

5672
ДЖАМБУЛ

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

АЛМА-АТА · 1946

Д Ж А М Б У Л

185

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

ПЕРЕВОД

ПАВЛА КУЗНЕЦОВА

5672

842

13

1

м. 200

2

КАЗАХСКОЕ ОБЪЕДИНЕННОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛМА-АТА — 1946

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В текущем году исполняется сто лет со дня рождения прославленного певца Сталинской эпохи, народного акына Казахстана Джамбула Джабаева. В ознаменование этого юбилея Казахское Объединенное Государственное Издательство выпускает в свет целую серию книг.

Для желающих более подробно ознакомиться с жизнью и творчеством Джамбула рекомендуем следующие книги: 1) Академическое издание на казахском языке, составленное Институтом языка и литературы Академии Наук Казахской ССР; 2) Юбилейное издание на русском языке, составленное Союзом Советских писателей Казахстана; 3) Биография Джамбула (на русском и казахском языках); 4) С. Бегалин. «Материалы к биографии Джамбула» (на казахском языке); 5) М. Ритман-Фетисов. «Джамбул Джабаев» (на русском языке); 6) К. Зелинский. «Джамбул» (на русском языке) и 7) Избранные стихи Джамбула для массового читателя и молодежи (на казахском и русском языках).

Настоящее издание рассчитано на массового читателя.

ЖАЛОБА *

Вьется у муллы в руках
Ивовый зеленый прут...
Вся спина моя болит;
Как теленок, я избит;
Мое тело раны жгут.
Эти частые побои
Мне покоя не дают.

— Твой язык, мальчишка,
— злой, —

Получай за это кнут!
Лучше б не учился я;
Путь не преграждайте мне...
В чем так провинился я,
Объяснение дайте мне.
Разве школа у муллы?...
Сгорбив плечи ходит злынь;
Из халата, как из торбы,
Ловит жертву глазом злым.
В белой он чалме, урод,
Верблюдицей он ревет,
Что же это за уроки? —
Слово к сердцу не идет.
Школа горькая, прощай!
Друг, домбру мне в руки дай!

* Отец Джамбула отдал его в детстве для обучения ауль-ному мулле. Эту жалобу Джамбул сложил в горькие дни «обучения».

Мне во сне явилась песня, —
Сердце, песней закипай!
Мой отец, к мулле насильем
Ты итти не заставляй!

АЙТЫС С АЙКУМЫС *

Д ж а м б у л :

Коня я упарил, был путь мой далек,
Моя Айкумыс, моих дум огонек!
Весь пыл молодой для тебя я сберег,
Поспешность мою не считай за порок.

А й к у м ы с :

Спеша, поздороваться даже забыл,
Никто тебя вежливости не учил.
Когда бы твой ум с расторопностью жил,
Сокровище неба рукой ты б схватил.

Д ж а м б у л :

Я мог ли к тебе, Айкумыс, не спешить,
Я молод, о скалы я бьюсь, чтоб любить,
Я ночью и днем лишь тобою живу, —
Тебе ль для плохого добычею быть.

А й к у м ы с :

Никто о своей не узнает судьбе.
Гулять по аулам привычно тебе,
А я для фамилий чужих рождена, —
Себя не тревожь, хлопоча обо мне!

* А й к у м ы с — девушка-акын из рода Шапрашты, ответвления Мырзабек.

Д ж а м б у л :

Пойдешь за плохого * — несчастен тот час,
Ты птице чудесной подобна сейчас;
Тогда ж до могилы пробудешь в беде
И синие мухи взовьются у глаз.

А й к у м ы с :

Ты самоуверенным, милый, не будь.
Как будто всех девушек спас ты Джамбул...
Зачем же расстался с родным ястребком **,
Умеющий зорко предвидеть судьбу?

Д ж а м б у л :

Несчастливы джигит и любимая с ним,
Коль смех и веселье неведомы им.
Душа ненасытная страстью горит,
И жду я, желанной надеждой томим.

А й к у м ы с :

Надеждой джигит, как победой, живет,
Но дума покоя душе не дает.
Всезнайкой не будь и короче, мой свет, —
Скажи поскорее: желанье твое!

Д ж а м б у л :

Хочу я не пуговицу надавить,
Хочу я не песней тебя удивить.

* Жених Айкумыс был невзрачным человеком. В предстоящую осень он намеревался взять ее к себе.

** Джамбул похитил одну девушку, но бай Сарыбай заставил возвратить ее родителям.

ДЕВУШКА КЕМШАТ*

Красой Кемшат душа моя хмельна!
В бобровой шапочке, кокетливо она
Лисицею алтайской изгибаясь,
Не подпускает близко скакуна.
Как сокол с высоты б ее схватил —
Была б лицом ко мне обращена!
К высокогрудой сердцем я взлетал,
В байге к копытам пыль не допускал,
Стервятник падалъ ждал, а я орлом,
Взлетая в высь, навыворот дичь хватал.
Для белой шуки в озере степном
Был смолоду упругим я крючком.

Не привлекателен я внешне, но душа
У вольного поэта — хороша.
Лицо с душой не сходны иногда, —
Должна же то понять моя Кемшат!

Весенний не увянет ли цветок?
Красе прелестниц не пройдет ли срок?
Не кажется ли тусклым целый мир,
Когда закат приходит на порог?
Примером свою речь я украшал,
Словами говорит моя душа,
Язык мой неспокоен, о Кемшат!..
Что много думать, девушка? Решай.

* К е м ш а т — дочь Керима из Кунту-Кокрек, Чуйского района. Кемшат была сосватана неким Карымбаем во вторые жены.

Вечное создание красоты!
Взорами меня сжигаешь ты
И молчишь, а строгие черты
Укрывают страстные мечты.

Парчевым камзолом стеснена,
Смотришь гордобровая с коня, —
Знаться ты стыдишься с бедняком,
Отвернулась, вижу, от меня.
Я слышал о суженом твоём, —
Зло и скупость совместились в нём,
Прозвище его Қас-Қарымбай...
То-то будет сладко вам вдвоем!
Встретимся позднее — и поймешь,
Много ль с ним веселья ты найдешь!
Вспомнишь ты правдивые слова, —
Будет поздно — счастья не вернешь.

СОБАКА БАЯ КАДЫРБАЯ

Конь мой усталый разбил свои ноги,
Конь мой ослеп и оглох по дороге,
Конь мой голодный не может итти,
Конь мой вздохнул и упал на пути...
Где же коня мне другого найти?

Ноги коню я кошмой обвязал,
Дари-траву к ушам привязал,
Мух малахаем от ран отогнал
И раздавил на спине у коня
Жирного, как чиновник, слепня.

Старый колодец в жарких песках
Я по верблюжьим следам отыскал,
Друга холодной водой напоил,
Гриву погладил и раны промыл.

Конь вострепнулся, конь задрожал,
Конь мой любимый тихо заржал.
Я на потник заезженный сел,
В степь посмотрел и песню запел:
— Ты, мой любимый, терпи до поры, —
Нет нам помощника, кроме домбры!

Солнце в далеких горах потонуло,
Вышла луна — вдохновенье Джамбула.
Вижу с вязанкою саксаула
Едет джигит на буланом коне, —
Громче запел я. Он едет ко мне.

— Шрагым-о-эй, узнаешь ли

Джамбула?

Кто ты, откуда, какого аула?
Хранит ли аллах у тебя табуны?
Хватило ль калыма тебе для жены?
Сыты ли дети в юрте твоей?
Много ли у тебя сыновей?
Пышна ли дочеря старшей коса?
Много ли в юрте твоей кумыса?
Плюнул джигит и оставил коня:
— Нет ни жены, ни детей у меня.
Ты ли в воде раздобудешь огня?
Ты ли не знаешь нашего бая?
Мяса поешь ли у Кадырбая?
Ты ли, изведавший столько дорог,
Ступишь на Кадырбаев порог?
Зол Кадырбай и невесел с утра, —
Сдохла у бая собака вчера.
Был он смертелен — укус каракурта,
Пес, завывая, метался у юрты;
Бай Кадырбай над подохшей собакой
Выл, как шакал, и ругался, и плакал,
И приказал, чтоб со всех концов
В аул хабарчи привели певцов.
Бай обедает полсотни баранов,
Двух иноходцев и море айрана,
Новый халат в серебре и парче,
Чаю душистого сто кирпичей
И третью жену он свою отдает
Тому, кто его доброту воспоет,
И верность собаки его воспоет,
И жир о богатстве несметном

составит,

И кюями байскую силу прославит.

* *
*

Пели жирши, день и ночь голосили,
Пели жирши, Кадырбая хвалили:
«О-э-эх заглянула б луна в табуны,
Зависть затмила б сиянье луны, —
Меньше у неба звезд золотых,
Чем у тебя овец молодых.
Бай Кадырбай, ты и молод и статен;
Род твой богатый и славен и знатен;
Сам губернатор тебя уважает,
Сам губернатор к тебе приезжает.
А губернатор приедет не зря, —
В милости ты, Кадырбай, у царя.
И атаманы казачьих станиц
Охотятся вместе с тобой на лисиц;
В юрте богатой, испив кумыса,
Пальцами круто ведут по усам...»

* *
*

Пели жирши, Кадырбая хвалили,
Слезы они над собакою лили,
Вой разносили жирши по аулам, —
Вспотели. Очередь за Джамбулом.
Бай приподнялся над белой кошмой,
Блещет нагайка с тесьмой золотой,
Бросил мне бай жирный мосол
И к сундукам своим отошел.
Лисьи свои прищурил глаза,
Выпил кесе кумыса и сказал:
— Слыхал я, ты вольные песни поешь.

Слышал я, что ты не в ауле живешь,
А бродишь степями, как Қоркыт * бродил.
Слышал я, что зло ты в душе затаил.
Слышал я, что ты, называясь горою.
В долинах народ возмущаешь домброю.
Иди же поближе, да скинув пайпаки,
Спой ты мне песню о верной собаке.

* *
*

Кюй над аулами кречетом взвился,
Песней своей я к жирши обратился:
— Льстивы, блудливы ваши слова,
Гнулись они, как сухая трава, —
Правда великая в них не жила.
Сила народная в них не цвела.
Горечь за вас мое сердце хлестнула.
Слушайте верную песню Джамбула.
Кто нищим не ходит, — богатым не будет,
Кто лижет подметки, — сапог не добудет,
Кто стонет да плачет над байским порогом —
Слез у того наберется немного.
Кто беден умом, тот овечкой блеет,
Кто песен не знает, тот жить не умеет,
Кто шею не гнул перед баем богатым,
Тот до могилы не будет горбатым.
Кто песню свою продает за барана,
Тот мухи ничтожней, трусливей кояна,
Блудливей хорька и трусливей тушкана.
Послушал, жирши, я ваши слова, —
Они перед баем легли, как трава.
Злоба горячая в сердце хлестнула...
Бай Қадырбай, ты послушай Джамбула.

* Қ о р к ы т — легендарный родоначальник казахского искусства слова и музыки (около 10-го века).

Собака твоя неплохая была, —
Она табуны для степей берегла,
Которые ты, как голодный шакал,
В наших аулах безрадостных крал.
Собака твоя по зеленым увалам
Стан голодных волков прогоняла,
С волком вступала в неравную схватку;
Зная собачью горячую хватку,
Волки боялись ее, как огня.
Она берегла и овцу и коня,
Хвост свой пушистый не поджимала,
Волчьей кровью ковыль поливала;
В сопки волчицы неслись впопыхах,
Оберегая свои потроха.
Будет пора — и родной мой народ
Свои табуны у тебя отберет.
Собака не плохо степям послужила,
Радостью нашей она дорожила, —
Она и под солнцем и при луне
О нашем заботилась табуне.
А ты, ненавистный, с ханскою сворой
Проходишь степями убийцей и воров.
Не дай тебе бог ничего, кроме блох...
Жить бы собаке, а ты бы подох!

ЗАВЕЩАНИЕ

Эх-ма, эх, бренный мир — непокой.
Люди в нем — караван кочевой...
Мир веселый оставят. Пройдут
Через свой перевал вековой.
Входишь с голосом звонким ты в свет.
А при выходе — голоса нет.
Кылышбай *) оставлял для сынов
Образец поучительных слов.
Чистым сердцем, приятель, дыши!
В добром деле ты счастье найдешь, —
Славных подвигов не совершив,
Что из жизни с собой унесешь?
Все сокровища мира собрав,
Не найдешь ты в богатстве добра,
Светлой памятью, вечной святой,
Будет жить и сиять над тобой
Лишь добро, что ты миру несешь!
Остальное в могилу с собой —
В белом саване ты не возьмешь.

5642

* Кылышбай Ержанов, из рода Куралас-Ботпай, Улы-жуз.
Челый акыч.

МОЯ ЖИЗНЬ

(Из автобиографической поэмы)

1

Степью метель одичалая вилась,
Снежная, вьюжная с воем кружилась,
Оползни с гулом ползли по горам,
Выли шакалы у скал Байкара,
Лаяли лисы, норы покинув,
Волки от страха бежали в долины.
Небо укрылось покровом тугим,
С пиками степь обходили враги.
В черное время, в нерадостный год
Шел, кочевал мой любимый народ.

II

В ночь у подножья Джамбул-горы,
Сжавшись комочком у снежной норы,
Мать моя, рабскую жизнь кляня,
В столах и муках родила меня.
Молча собрался голодный аул,
Дали казахи мне имя — Джамбул.
Пели акыны под звуки домбры
Песню о мальчике, в буре рожденном,
Песню о мальчике, нареченном
Именем гордой и древней горы.

III

Мать понесла на усталом плече
Вьюк драгоценный и сорок ночей

Мазала мазью меня, укрывала
Нежной мерлушкой, от вьюги спасала,
Мыла в соленой, как море, воде...
Ветер угрюмо в кибитках гудел,
Вьюга крепчала, пурга завывала,
Войлоком снежным следы застилала
И обжигала открытую грудь...
Горький, безрадостный путь!

IV

Глаза я открыл. Вместо солнца и дня
Ночь и рыдания встречали меня.
Слезы кровавые бурно текли,
Тучи коварные хмуро ползли,
Слышал я режущий посвист кнута.
Люди бежали, как стадо скота,
Реки холодные вброд проходили,
Грудью пожары степные тушили,
Голод косил за аулом аул...
Рос и скитался с народом Джамбул.

V

Минуло время десятой луны,
Я вышел в джайляу пасти табуны...
Мне звонкая песня подругой была,
А жизнь мне радостный голос дала.
Когда на холмах зацветали цветы
И травы от рос становились густы,
Встречал я веселую песней гурты.
Товарищи, дети степной бедноты,
Жалкого, рабского детства друзья,
В степь выбегали послушать меня.

VI

Я в сердце лелеял мечту, я хотел,
Чтоб голос мой, звонче Бухара * звенел,
Чтоб песни любимые к солнцу неслись,
Чтоб крылья орла за плечами росли,
Чтоб взлетом беркутьим я ринулся ввысь
И чтобы аулы со мной поднялись
В просторы, где счастье находит кедей,
Где нет ожиревших султанских свиней,
Где реки и сочные травы степей
Приносят дары для бедных людей.

VII

Седые певцы мне за песни и труд
Дали волшебницу кюев — домбру.
Я счастья бескрайнюю чашу испил,
Я душу свою с иноходцем сравнил,
Я верил, — на свете счастливее нет
Такого жигита пятнадцати лет...
Кровь бушевала, как пламя огня!
Семнадцати лет оседлал я коня,
И мне показалось, что этой порой
Сравнился я с гордой Джамбул-горой.

VIII

С волчихами шли шестьдесят волков,
С волчатами семьдесят шли волков,
Кровь выступала меж их клыков...
Баи, манапы, муллы и ханы,
Ханы кипчакские, ханы коканы,
Ханы калмыцкие и кудеяры

* Бухара — акын 18-го века.

Сеяли голод, чуму и пожары,
Чертово игрище с воем вели,—
Морем народные слезы текли,
Травы народною кровью цвели.

IX

С неба тревожно смотрели орлы
На бегство кедеев в Каркаралы.
Силы теряя, корова рябая
Тащила пожитки седого Джабая.
Арбы скрипели, верблюды кричали,
Шакалы голодные им отвечали...
Горе тому, кто бежать не успел, —
Ханское рабство... Позорный удел,
Вечное рабство и замкнутый рот.
Черное время! Страдалец народ!

X

Когда мне исполнилось двадцать лет,
Поехал я счастья искать по земле...
Сидели кази у султанских ворот,
Терзая когтями голодный народ.
Уездный начальник с манапом вели
Подсчеты награбленной ими земли.
Царь за «труды» им медали дарил,
Луга и озера для них отводил,
Чтобы у байского стада всегда
Травы цвели и струилась вода.

Я ехал за счастьем дорогой Асана.
Менялись манапы, султаны и ханы,

Чиновники, приставы и атаманы,
А жизнь не менялась, в бесправных степях
Рабы и рабыни стонали в цепях.
Голод полынью они утоляли,
В шкуры вонючие одевались,
Слезами горючими умывались.
У старых курганов, на кучах костей,
Матери в столах рожали детей.

XII

Шли годы — народ умирал и редел.
Шли годы — чиновник султанский жирел.
Шли годы — в скитаниях я постарел,
И юность прошла верблюжонком в песках,
Мутнели глаза и слабела рука,
А сердце стучало, как два молотка,
И верил и знал я — свобода близка,
Народная правда не тонет в песках,
Устали не было в песне моей,
Домброй поднимал я степных сыновей.

XIII

Шли годы. Я ехал, не зная куда,
В скитаньях седела моя борода,
А жизнь крутая, как выступы гор,
На хмуром лице рисовала узор.
Народ изнывающий тихо просил:
— Прибавь нам горячую песнею сил!
Я пел от души и неслась по долинам
Поэма о славных походах Таргына,
О сыне народов, вожде Утегене,
О гордых батырах, о смелых сраженьях.

XIV

Я пел в Кокше-Тау, я пел в Актюбе.
Жигиты ковали оружие к борьбе...
Я песнею гнева, зовущей в поход,
В степях поднимал угнетенный народ.
Я славил суровый и праведный суд,
Я пел о батырах, что скоро придут
И силу могучую в бой поведут
За землю, за реки, за счастье степей,
За наших в берлогах рожденных детей.

XV

И грянула буря. Набат загудел,
Седой Ала-Тау побагровел,
Гневно кипучие волны бросал
Вспененный бурей Арал.
Тигры метались в сухих камышах,
Слушая грозный прибой Балхаша;
Степь бушевала, в пожарах горя;
Вышла из берегов Сыр-Дарья.
Октябрь-батыр по земле проходил,
Осиные гнезда он жег и давил.

XVI

Вставали рабыни, вставали рабы
Под знамя великой священной борьбы,
Их Ленин и Сталин вели за собой
В последний, горячий, решительный бой.
В борьбе восходила заря Казахстана,
Пылали дворцы и мечети султанов.
Бежала, как жалкая свора хорьков,

Порода манапов, султанов, князьков...
Я с песней борьбы выходил на котан*,
Я в бой отправлял молодых партизан.

XVII

Проходит столетье. Мне память верна, —
Я проклял минувшие времена.
Я вижу, как горная серна, стрейна
Идет, красоты и величья полна,
Лучами жемчужными озарена,
Моя молодая страна.
Я вечный скиталец, я стал именит,
И песнями сердца по свету звенит
Попутчица радости, песен, добра,
Моя золотая домбра.

XVIII

Иду я, счастливый, дорогой цветов,
Пою я о мудрости большевиков,
Я славлю богатство колхозов родных,
Я славлю героев любимой страны,
Я славлю привольный разлив Зайсана,
Я славлю большие огни Джекказгана,
И медь Карсакпайской чудесной руды,
И уголь красавицы Караганды.
Я славлю чарующий солнца восход
И весь мой счастливый советский народ!
Иду я степями свободен, богат;
Мне ветер приносит цветов аромат.
Вернулась волшебная юность моя,

Котан — площадь в центре аула.

Меня окружает родная семья.
Со мною в богатстве кастекских долин
Любимые братья — калмык и грузин,
Татарин и русский, уйгур и киргиз —
Для них моя юрта, для них мой кумыс.
Для них моя песня и сердца привет
И дружба святая на тысячи лет.
А самая лучшая песня моя
На крыльях души долетит до Кремля
И скажет чарующим голосом струн:
— «Я песня народа, что славен и юн;
Что горд и могуч, как орел молодой,
Готовый на подвиг, готовый на бой».
И Сталину скажет: — «Любимый отец,
Тебе посылает столетний певец
И сердце, и думы, и песни свои
В счастливые светлые дни!»

В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

Пришел я к тебе из далеких степей,
Пришел к тебе я в твой мавзолей,
Бессмертный, родной, любимый,
Не умер ты! Не лежишь в гробу!
С живым с тобой говорит Джамбул
И в сердце несет твоё имя!

Стал мавзолей твой сердцем земли,
Волны народов к нему потекли
Потоком бескрайним, как годы.
Не умер ты! Не в гробу лежишь!
Ты каждый день живешь, говоришь
С родным своим народом!

Великий, ты думал о каждом из нас!
Великий, ты нас от шакалов спас!
Как солнце, согрел миллионы...
Миллионы тех, кто с нуждой дружил,
Миллионы тех, кто без родины жил.
Миллионы нас угнетенных!

Когда я смотрел на звезды Кремля,
Я видел — в них блещет жизнь твоя
И твой завет последний.
Я слышу — в Кремле твоё сердце бьёт,
Там твой любимый орёл живет,
Великий твой наследник.

На крыльях могучих он гордо несет
Победное, славное знамя твое.
Он в бурях и грозах вырос.
И там, где орлиные взмахи легли,
Там счастье для всех угнетенных земли,
Для всех пролетариев мира!

Мой Ленин! Тебе эта песня сейчас!
Мой Ленин! Живешь ты в каждом из нас,
Как солнце, согрев миллионы...
Миллионы тех, кто с нуждой дружил,
Миллионы тех, кто без радости жил,
Миллионы людей угнетенных!

Я завещанье оставляю им,
Правнукам, внукам и детям своим,
Чтоб в жизни, как ты, они стали;
Отдали бы сердце и каждый свой шаг
Тому, в ком пылает твоя душа,
Тому, чье имя — Сталин!

ПЕСНЯ О ВЫПОЛНЕННОЙ КЛЯТВЕ

Светлому Ленину песню свою,
Самую сладкую песню я лью.
Солнечный облик его вспоминаю,
Слово лучистое я подбираю,
Слово, рожденное вместе с вождем
И сбереженное в сердце моем.
Песня жемчужине яркой равна,
Поднятой в море с глубокого дна.
Вождь мой, тебе запекает струна;
Облик твой—заревое, взор твой — луна
Ты пред глазами моими стоишь,
Ты, как гора золотая, горишь,
Тьму и туманы с земли разгоняя,
Светом немеркнущим мир озаряя.

Разве мы видели солнца восход?
Нет, мы не знали, как розы цветут!
Ленин родился — и стало светло.
Ленин родился — и солнце взошло.
Разве мы видели в небе луну?
Нет, мы не видели в небе луны!
Ленин родился — свежа и нежна
Вышла над степью большая луна.
Разве мы знали, как розы цветут?
Нет, мы не знали, как розы цветут!
Ленин родился на счастье земли,
С Лениным розы в степях зацвели.
Разве мы жили когда без печали?

С ней мы рождались, с ней умирали.
Ленин родился — печаль умерла,
Ленин родился — и радость пришла.

Ленин, отец моих песен степных,
Солнца теплей ты, светлее луны,
Славной эпохи батыр-великан!
Горд Ала-Тау, гора высока...
Ленин, ты выше ее, — ты горишь.
Светом моей предрассветной зари.
Ехал в Москву я тебя повидать,
Ехал обнять тебя, поцеловать,
К сердцу столетнему крепко прижать.
Был в мавзолее я, долго стоял,
Взгляда, мой Ленин, с тебя не спускал,
Песню губами беззвучно шептал, —
Ты предо мною, бессмертный лежал.
Я, вождь мой, улыбку твою увидал, —
Она озаряла родное чело,
Она излучала любовь и тепло.
Мне в эту минуту казалось, что вдруг
Расплавился мрамор холодный вокруг.
Я знаю, — свидетель мне прожитый век, —
Не умер ты! Есть на земле человек,
Умом и величием равный тебе,
Он — гордый орел, закаленный в борьбе.
Тебе свою клятву он вечную дал
И клятву великую свято сдержал.
Ты завещал нам в суровые дни
Званье и честь коммуниста хранить.
Сталин поклялся и клятва жива...
Партию любит, ей верит народ.
Ты завещал нам в суровые дни
Дружбу, единую силу хранить.

Сталин поклялся, и клятве верны
Люди могучей советской страны.
Ты завещал нам в суровые дни
Власть пролетарскую свято хранить.
Сталин поклялся и клятва живет, —
Власть пролетарскую враг не сойдет.
Ты завещал нам в суровые дни
Родину нашу крепить и хранить.
Сталин поклялся, и клятва живет, —
Родина наша, как солнце встает.
Родина наша, отчизна моя,
Сталью одета, готова к боям.
Сталин орлиную клятву давал,
Сталин орлиную клятву сдержал.
Сталин весь мир за собою ведет...
В Сталине Ленин бессмертный живет!
Радостен день мой, и льется рекой,
Блестя под солнцем, поток золотой.
Дорогой цветов моя юность шагает,
И вечное солнце над нами сияет.
Мне Ленин любимый, мне солнечный Сталин
И сердце, и жизнь, и дыхание дали.
За это, с бушующей страстью поэта,
Сердечная песня Джамбулом пропета!

ВЕЛИКИЙ СТАЛИНСКИЙ ЗАКОН

Песня моя, ты лети по аулам!
Слушайте степи, акына Джамбула!
Много законов я в жизни знал, —
От этих законов согнулась спина,
От этих законов слезы текли,
Глубокие складки на лбу залегли
Законы аллаха, законы Аблая.
Законы кровавого Николая...
По этим законам детей отбирали,
По этим законам людей убивали,
Девушек наших, как скот, продавали.
По этим законам аулы редели,
По этим законам баи жирели
И крепко на шее народа сидели.
По этим законам гуляли, как смерч,
Бесправие, голод и смерть.
Песня моя, ты лети по аулам!
Слушайте, степи, акына Джамбула!
Маленький след — дорогу рождает,
Море — из родника вырастает,
Из камня — упругая сталь выходит,
Из слова — рождается мудрость в народе,
От жизни счастливой — рождаются дети,
Самые радостные на свете,
А с ними в колхозе рождаются песни,
Всех песен красивей, всех песен чудесней!
Звени же, домбра, по колхозным аулам!
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Слушай, Кастек, Каскелен, Каракол,
Я славлю великий советский закон!
Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,
Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет,
Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа.
Закон, по которому вольным джигитам
К подвигам смелым дорога открыта,
Закон, по которому в праздник наш
Овеяна славой родная Куляш.
Закон, по которому едут учиться
Дети аульные в школы столицы.
Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.
Пойте, акыны, пусть песни польются!
Пойте с Сталинской Конституции!
С песней к труду и победам зовущей.
С песней о братстве великих народов,
С песней о родине нашей цветущей,
С песней к труду и победам зовущей.
Заботой согрел миллионы сердец
Сталин — мудрейший, любимый отец!

ПЕСНЯ О БРАТСТВЕ НАРОДОВ

Снова звенит по просторам степей
Песня домбры обновленной, и с ней
Снова несется по дальним аулам
Пылкое сердце акына Джамбула.

Я прошлое в песне своей вспоминаю,
Я в песне шакалий заман проклиная.
Заман, при котором из года в год,
Как в зимние ночи, стонал народ,
Как в день похоронный, рыдал народ.
Подбитым орлом трелетал народ,
Как в пору зумы, вымирал народ...

Забудет ли степь ненавистный заман?
С востока на запад прошел Чингис-хан.
Его знаменосцы пощады не знали, —
На месте аулов груды развалин
Ханские нукеры оставляли.
Резали скот и зимовки громили,
Девушек наших с собой уводили,
Позорили их и в пустыне бросали.
Вражду вековую в степях разжигали.
Сговором биев, манапов да беков
Стравили казахов, киргиз и узбеков.
Пока же кипела, как пена, вражда,
Они забирали степные стада,
Богатства джайляу, пастбища, воду...
Могилу глубокую рыли народу.

Забудет ли степь, как гулял Тамерлан,
Народною кровью залив Туркестан,
Чтоб выполнить черную клятву свою,
И, волком промчась в беззащитном краю,
Построить жене своей новый дворец
Из наших голов, из наших сердец?

Забудет ли степь ненавистный заман,
Когда, как гроза, пролетел Кене-хан
По нашим аулам, по нашим кыстау?
Он от Тянь-Шаня до Кокче-Тау
Солью усыпал кровавые раны
Забитых, бесправных сынов Казахстана.

Но самая грозная, самая злая
Над степью летела метель Николая.
Коршуна царского черная сила
Лучших сынов из степей уносила,
И выли шакалы в глухих пустырях,
Почуяв кровавого друга-царя.
Он пищу горячую им приготовил
Из трупов народа, залитого кровью.

Забудет ли степь, как Октябрь пришел?
Тогда мой народ свою радость нашел
И счастье аулам родным принесли
Ленин и Сталин — батыры земли.
От стен Бухары до истоков Иргиза
Братались узбеки, казахи, киргизы,
Братались монголы, уйгуры, дунгане,
Братались калмыки, грузины, армяне.
И от Кавказа до Бетпак-дала
Великая дружба народов росла.

Она расцветала, как склоны Алтая, —
Великая дружба, большая святая.
А с ней расцветала в горячих боях
Любимая родина — радость моя!

Пусть же звенит по просторам степей
Песня домбры обновленной моей!
Сегодня несет эту песню певец
Тебе, мой любимый, великий отец,
Тебе, несравненный учитель мой, Сталин!
С тобой мои степи счастливыми стали,
А в сталинском нашем саду зацвели
Одиннадцать гордых жемчужин земли!

И песни счастливые радостно льются
О Сталинской солнечной Конституции, —
Песни колхозов, степей и заводов,
Песни о братстве великих народов.

МОЯ РОДИНА

Джамбулу сейчас девяносто лет,
Но крепко Джамбул сидит в седле.
Приехал он в радостный новый стан,
Встречает певца родной Казахстан!
С почетом певца встречает аул.
Песни пой во весь голос, Джамбул!
Пришли и мои немере-шубере *:
«Спой нам, отец, и сыграй на домбре!»
Народ мне настроил душу мою,
И я для народа песню пою: }

...Девяносто лет табуны паслись,
Девяносто лет ковыли цвели,
Девяносто лет в облаках несли
Песни свои журавли.
Девяносто лет стремена звенят,
Девяносто лет согнули меня,
Девяносто лет я берег коня,
Чтоб подъехать к новым дням.

Смотрите — моя голова седа,
Смотрите — бела моя борода,
Смотрите — в глазах кровь и вода...
Много я в жизни видал.
Мой род не седлал степных бегунцов;
Тавро украшало мое лицо,
Но я в состязаньях песней отцов
Побеждал степных певцов.

Немере-шубере — внуки и правнуки.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-заман? *
Семьдесят лет в старом седле
По чужой я проехал земле,
По чужой я проехал стране
На усталом и бедном коне.
Пропасть путь преграждала мой,
Тучи сходились над головой,
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Много ханов ты знала, степь моя,
Море слез пролила ты, степь моя!
На плечах своих пронес мой народ
Суровых законов гнет.
Врывалась коканов волчья орда,
С пастбищ наши сгоняли стада.
Бешеный хан Куспега налетал,
Кровь его ядом была налита,
В глазах его вечно стояла ночь,
Хан у народа любимую дочь
В жены насильно к себе уводил...
Сердце он вырвал из нашей груди.
Тогда в джайляу пыль поднималась,
Тогда в озерах вода волновалась,
Тогда над степями с клетотом злым
Тревожно летали орлы...

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-заман?
На сердце оставили черный след:
Семьдесят горьких лет.
Был и хан Аблай. Как голодный шакал,
Он по аулам добычу искал.

* Сум-заман — тяжелые времена.

Юрту хана датки окружали,
Нукеры хана оберегали...
Баям с Аблаем привольно жилось —
Баям он дал золотое седло;
А тем, чьи плечи сдавила сума,
Был он, как злая степная зима.
Память открыла мне повесть одну...
Любимому сыну вез хан жену,
Красавица ехала на коне,
Рабыни усталые шли за ней.
Судьба им хомут тяжелый дала —
Дешевле овцы их жизнь была.
Слушала степь их беспомощный стон
И проклинала ханский закон.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Джангера какой забудет аул?
В степях проносился далекий гул.
И змеи ползли из разных концов...
Край мой сжимало тугое кольцо.
С русским царем принес Джангер-хан
В подарок народу плетъ да аркан.
Как волки, зубами арка * рвали,
Раны горячие оставляли,
Лучшие выпасы наши брали,
Лучшие реки у нас украли,
Лучший табун из степей увели,
Наши родные кибитки сожгли.
Оставили нам пески да пустырь,
Душу народа они на пласты

* А р к а — степь.

Резали. Ханское было каде,
Защиты народ не нашел нигде...
Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Царских приказов хитрый вершитель,
В степь пришел волостной управитель,
Коварный и злой, как сам сатана.
С ним появились: мирза, старшина.
В байскую юрту сам бий приезжал,
На мягких подушках бий ночевал;
На бийской груди блестела медаль...
Кипели котлы. Бурлила вода...
В юрте, белее чем вымытый мел,
Бай на коврах сыр-дарьинских сидел.
Керсень * дорогой, с узорами лис,
Пенился в нем золотистый кумыс.

Кедей-бишара ** был похож на тень,
На голом теле—колочий чекмень.
Малай-бишара с домброй да кнутом
В долинах ходил за байским скотом...
Сжигал его летом солнечный зной
Бураны его заматали зимой.
Родная жена и две сестры
Для байбише разводили костры.
Сынишка любимый ласки не знал;
Отцовская доля и сыну верна —
Пас он в отарах байских ягнят,
С детства на сердце обиду храня.
Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?

* Керсень — большой деревянная чаша.

** Кедей-бишара — бедняк. Малай-бишара — батрак.

На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Когда перешло мне за семьдесят лет,
Ленин, Сталин открыли мне свет.
Труб золотых разносился зов —
Армия вечных рабынь и рабов,
Сильная, грозная армия шла;
Дворцы захватила и троны снесла,
Волчьих законов разрушила строй...
В грязь покатился венец золотой.
Тогда над степями, ярко горя,
Взошла моего народа заря!
Верных коней казахи седлали,
На гребнях гор костры зажигали,
Чтоб родная Москва увидала,
Как по горам, долинам, увалам
Степь выходила к бунтарским гонцам.
С именем Ленина бились сердца!
С именем Сталина радость пришла!
С именем Сталина степь зацвела!
Их имена кедеи несли,
Байскую свору, как падаль, жгли.
С байских халатов кедеи сорвали
Царские золотые медали.

Я в песнях прославил тот смелый год.
С ним вместе родился и мой народ,
Источники жизни забили в нем,
Смел и велик он в движение своем!
С тем годом воскресла моя душа,
Я счастье нашел, и бодр мой шаг.
Проклятый заман отошел, как буран...
Спасибо, Сталин, тебе, данишпан! *

* Д а н и ш п а н — мудрейший.

Расстался Джамбул с своей горькой судьбой...
Спасибо тебе, Сталин родной!

Едет Джамбул в богатом седле,
Едет Джамбул по родной земле,
Едет Джамбул по родной стране
На сытом степном скакуне.

С почетом певца встречает аул:
«Пой свои песни громче, Джамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!».

В колхозном ауле радость живет,
В колхозном ауле сердце мое,
В богатом ауле звонко поет
Старик, проклинавший недавно судьбу,
Счастливый певец Джамбул!

Сталин! Ты крепость врагов сокрушил!
Любимый! Ты—житель моей души!
Сравнений тебе не найдут жирши,
И у акынов, степных мастеров,
Таких не найдется жемчужин-слов.
С пророком хотел я тебя сравнить...
С пророком не мог я тебя сравнить,—
Правду пророк не умел говорить!
В словах твоих, Сталин, правда и свет;
Меркнут пред ними фарыз и сундет*.
Хотел с океаном тебя сравнить...
Не мог с океаном тебя сравнить!
И в океане порой корабли
С распоротым дном сидят на мели.
С полярной звездой хотел сравнить...
С полярной звездой не мог сравнить!
Она, как приколотая гвоздем,

* Фарыз и студент—религиозные мусульманские законы.

Вечно стоит на месте своем.
С горами хотел я тебя сравнить...
С горами не мог я тебя сравнить!
Из гор тебе не равна ни одна, —
У каждой горы вершина видна.
Хотел тебя с полной луной сравнить...
Не мог тебя с полной луной сравнить!
В небе она холодна и бледна,
Свет свой струит лишь ночью луна.
И с солнцем хотел я тебя сравнить...
Не мог тебя я и с солнцем сравнить!
Может и солнце порой изменить, —
Светит оно лишь в ясные дни.
Сталин!.. Сравнений не знает старик...
Сталин, как вечный огонь, горит.
С родной домброй по степям я пройду, —
Сокровище слов в народе найду.
Я песни посею в пылких сердцах,
И вырастут песни степного певца.
В песнях этих найдут поколенья
Достойное Сталина сравненье!
Спасибо тебе, Сталин мой!
Расстался Джамбул с горькой судьбой
Едет Джамбул в богатом седле,
Едет Джамбул по родной земле,
Едет Джамбул по родной стране
На сытом степном скакуне.
С почетом певца встречает аул:
«Пой свои звонкие песни, Джамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!»

ПЕСНЯ ОБ ИСКУССТВЕ

Чтоб гордо запела родная домбра,
А песня звучала нежней серебра,
Удачи случайной, певец, не лови, —
Ты струны певуны-домбры обнови.
Прислушайся к голосу каждой струны,
Как старый рыбак к переливам волны.
Но много ли может домбра рассказать
Тому, кто на ней не умеет играть,
Тому, кто ее не умеет держать,
Кто песни для кюев не может слагать
Такие, чтобы струны, вплетаясь в слова,
Могли заповедники чувств открывать.

Искусство — нежнее ребенка, певец,
Искусство — горение наших сердец,
Искусство — могучая сила батыра,
Искусство — чудесное детище мира,
Искусство — свободно, как взлет соколиный,
Искусство прекрасно, как пруд лебединый,
И грациозно, как поступь оленя...
Оно упоительней всех наслаждений.

Акыном ли тот по степям назовется,
Чья песня весенним разливом не льется?
Акын ли, что в трубку беззвучную дует,
Чья песня, как пламя костра, не бушует?...
Акын вдохновенный и славный лишь тот,
Чью песню лелеет и любит народ,

Чью песню лелеет родная страна,
Чью песню и подвиги ценит она,
Величьем народных героев полна!

Бессмертное слово проходит века....
И песня седого певца, старика
Джамбула — столетнего большевика,
Хранителя дум и сказаний степных —
Как золотая прольется река
Во славу великой советской страны,
Чудесной, как молодость первой луны,
Блистающей под жемчужным дождем...
В Кремле гуртоправы с великим вождем
Заботу несут о колхозной отаре,
О новом ружье, о простом самоваре,
О хлебе, о счастье цветущих степей,
О славе Куляш и о песне моей...
Я молод и горд.... Я, проживший сто лет,
Я, выросший в бурях народный поэт,
Несу свои песни и думы и чувства
Любимому Сталину — солнцу искусства!

МОЙ СТАЛИН, ТЕБЕ ЭТУ ПЕСНЮ ПОЮ

Отец мой любимый, учитель родной!
Встречая восход над советской страной,
Тебе, счастьеносцу, домброю звенит
Столетнего сердца горячий родник!
С тобою зарницу я в небе встречаю,
С тобою сижу я за чашкою чая,
С тобой я домбру поднимаю свою,
С тобой я любимые песни пою,
С тобой свое сердце в полет я пускаю,
С тобою счастливых внучат я ласкаю.
Отец мой любимый, учитель родной!
Ты сердце ты голос поэмы степной,
Ты радость народа, ты жизни заря,
Ты сила и слава, и песня моя!

* *
*

Учитель вселенной, тебе я пою!
Послушай, любимый, ты повесть мою...
Я прожил столетье, я вырос в народе,
Я правды великой степной иноходец,
Я песнями баев и ханов косил,
А песен я в долг никогда не просил.
Мечты золотые я в сердце носил, —
Я Коркыта имя усыновил,
Я песен Асана наследником был.
А жизнь тянулась, как след каравана,
А юность в безводных сыпучих барханах

Прошла верблюжонком, что жизни искал
У матери мертвой в холодных сосках.
Родившись, я пир ожидал на земле.
Напрасно... На серых курганах белел
Холодный навал черепов и костей.
И кровь выступала на каждом листе
Степного молчальника карагача.
Стервятники в степь налетали в ночах, —
От крови опухший с собою их вел
Бескрылый, безногий двухглавый орел,
Не ведавший неба, не знавший земли.
Кровавые слезы народа текли...
И стоны, которые знала лишь ночь,
О дочери милой... Но продана дочь.
О матери нежной... Но может ли мать
Любимому сыну любовь передать,
Коль скованы руки, глаза под курком,
А губы и сердце под вечным замком?

* * *

Я в бурю родился под древней горой.
Столетье я в бурях скитался с домброй.
Мой Сталин, мой светоч, я только с тобой
Принес свою песню на радостный той!
И реки звенят, как разлив серебра,
И степь расстилается шкурой бобра;
Цветы, как жигитов отважных сердца,
Украсили степь от конца до конца.
И воздух хрустальный от песен гудит...
Джамбул, запевай и в поля выходи!
В колхозах пшеница густая растет,
Красавец комбайн тулпаром плывет,
Дары урожая в обилье несет

Для родины милой народ.
Ко мне мои братья и сестры пришли, —
Встречаю я в радостной юрте своей
Внучат, сыновей и любимых друзей.
Поэзии солнце взошло над аулом,
Где выросли песни и думы Джамбула.
Послушай, родной, над Кастекской долиной
Звенит солнцеструнный запев соловьиный,
Рождаются радостной жизни былины,
Разносятся песни родной Украины.
Узбеки, башкиры, уйгуры, грузины,
Каракалпаки и осетины,
Собравшись в Кастек на мои именины,
Собравшись в ауле Джамбула на той,
Поют о тебе, мой любимый, родной!

* *
*

Ты видишь всю жизнь на столетья вперед,
Ты слышишь всю жизнь на столетья вперед,
Ты думы несешь на столетья вперед,
Ты жизнь ведешь на столетья вперед.
Тебе свою верную песнь поет
Познавший проклятого прошлого гнет,
Стремящийся к коммунизму народ.
С тобой он, любимый, растет и цветет.
С тобою он любит, тобою живет,
Готовый на битвы, готовый в поход.
С тобою, народного счастья отец,
Республика радости, смелых сердец,
Как солнце востока встает Казахстан...
С тобою, любимый, с тобой, данишпан!

ЗДОРОВЬЕ НАРОДА

Народные думы, живущие в слове,
Взвиваются стаей крылатых пословиц.
И нет им границы и нет им числа.
Одну из них память моя сберегла,
Одну из них память моя воскресила.
В ней мудрость народная так говорила:
«Богатство не в золоте, добытом кровью,
Богатства и сила народа — здоровье».

Как злое виденье, встают из тумана
Страницы облитого кровью замана.
По хижинам нашим чума проходила:
Да бритвою смерти аулы косила.
И оспа печатью позорного века
Ложилась на смуглом лице человека.
Под дикий шакалий полуночный лай
Купался в народной крови Николай,
Презренный палач, всех зараз воевода,
Укравший здоровье и вольность народа.

В сияющий сталинским солнцем заман
Народ мой свободен, как вольный арстан.
Он всюду, заботливый Сталин родной, —
И в городе шумном и в юрте степной.
Он сердцем отца с теплотой и любовью
Проносит заботу о нашем здоровье, —
Чтоб дочери родины были стройны,
Чтоб были сыны у отчизны сильны,

Чтоб в каждом кипела прибоем волны
Могучая сила советской страны.

Примите, ученые, песню привета,
Сердечную песню степного поэта!
Здоровье народа дороже всего,—
Богатства земли не заменят его.
Здоровье не купит никто, не продаст;
Его берегите, как сердце, как глаз;
Храните его и заботьтесь о нем.
Великая честь быть советским врачом!

ЗА БОЛЬШОЙ УРОЖАЙ

С неба выпал белый, нежный снег
Это счастье! Это дар весне!
Он в долинах и лугах залег —
Урожая нашего залог.
Серебристый, свежий утолил
Жажду расцветающей земли.
Белизной сияя, чист всегда,
Как моя седая борода!
Пей, земля любимая, легко
Белый снег соси, как молоко,
Чтоб душистой свежести полно
Налилось пшеничное зерно!

Слышу я дыхание весны, —
Скоро в степи выйдут табуны,
В небе солнце ярче загорит,
Снег растает, и заговорит
Радостно журчащею рекой,
И затихнет в логовинах гор
Сказочной прозрачностью озер.
В солнечную прилетев страну,
Птицы встретят песнями весну,
И промчатся в зелени степей
Косяки игривых лошадей.

Необъятна, широка земля!
Плодородны степи и поля!
Солнце всюду только для тебя,
Родина любимая моя.

Слушай песню, мой родной народ,
Выходи, встречай весны приход.
Каждым днем и часом дорожа,
Выходи в поход за урожай,
Чтоб по нашей радостной стране
Каждый колос золотом звенел.
Ты готовь комбайны, трактора,
Скоро в поле выйти им пора.
Ты проверь заботливой рукой
Семена пшеницы наливной,
Чтобы было каждое зерно
Чистое, как жемчуг под луной.
Слушай песню, мой родной народ,
Выходи, встречай весны приход!
Чтобы хлеба больше получить,
Чтобы хлеба больше накосить,
Чтобы взять несметный клад земли,
Чтобы дети в доволи росли,
Чтобы табуны приплод несли,
Чтобы слава шла из края в край
Про большой колхозный урожай.

Слушай песню, мой родной народ!
Враг на брюхе, как змея, ползет...
Ты к зерну его не подпускай,
Ты зерно свое оберегай.
Без борьбы большой, упорной, знай —
Не придет обильный урожай.
Нам его весною не добыть
Без труда, старанья и борьбы.

Ты лети, напев, как соловей,
По колхозам родины моей!
Любят нас, заботятся о нас

Партия, правительство, страна.
Нам навеки земли отданы,
Мы крепки, зажиточны, сильны,
И заботу в каждый мой колхоз
Сталин сердцем пламенным принес.
О, страна моя! Джамбул поет.
О, страна моя! Джамбул зовет:
Ты готовь своих стальных коней,
Ты навстречу выходи весне,
Чтобы хлеба больше получить,
Чтобы хлеба больше накопить,
Чтобы слава шла из края в край
Про большой колхозный урожай

СЛУГА НАРОДА

Я в пропасти вырос, я к бурям привык,
И был я несчастнейший в мире старик.
Улыбок не видел и счастья не знал;
Я вместе с народом и рос и стонал.
А свора шакалов, тарантулов, змей,
Алашордынцев, султанов, царей,
Пируя на старости горькой моей,
Жалила душу мою, обжигала,
Кровь моих песен сердечных сосала.
Глох, как обвалом забитый родник,
Самый несчастнейший в мире старик
Я прожил столетье я к бурям привык,
И ныне — я самый счастливый старик.
Мне молодость Ленин и Сталин вернули...
Живу я в богатом колхозном ауле,
И любит меня молодая страна,
Блестят на груди у певца ордена,
Колхозная юрта моя широка,
Я был стариком—не узнать старика..
Душа, как обмывшаяся луна,
Песней цветет, и свежа и юна.
В юрте волшебной растут у меня
Могучие духом мои сыновья.
Гонцы из привольных цветущих степей
Слетелись орлятами к юрте моей.
Они мне сказали — ты сердцем богат,
Ты песней народа, как беркут, крылат,
В народе ты вырос, с народом ты жил,

Ты песнею правды народу служил,
Взлелеянный Сталиным гордый акын, —
Так будь же в совете великих старшин.
Столетнее сердце прибором кипит,
Столетнее сердце поет, говорит...
Звените, мои звонкопевные струны!
Я славлю страны моей светлую юность,
Я славлю счастливую старость свою,
Народу я верную песню пою.
Ленина образ передо мной,
Ленин великий всюду со мной.
Со Сталиным, с песней привольно живетcя;
В Сталине сердце Ленина бьется.
Народа любовь для меня дорога,
Народу я верный певец и слуга.
Учил меня Ленин бороться и жить, —
Я буду, как Ленин, народу служить.
Как Сталин, я песни и жизнь свою,
Народ мой великий, тебе отдаю!

СЫН ВЕКА

Если бесплодна земля и бедна,
Золотом разве заблещет она?
Если с народом герой не живет,
Разве полюбит героя народ?
Если не плещется море волной,
Если у моря виднеется дно,
Разве ты морем его назовешь?
Разве на дне его жемчуг найдешь?
Если горячее солнце умрет,
Если над миром оно не взойдет,
Разве увидит вселенная свет?
Разве найти человеческий след?
Если рождения слышного нет,
Если цветения пышного нет,
Может ли яблоня плод принести?
Может ли сильное племя расти?
Если, как солнце, батыр не рожден,
С солнцем найдет ли сравнение он?
Разве прольет он, как солнце, лучи?
Разве найдет он от счастья ключи?
Если батыр от рожденья велик,
Если могучий батыр солнцелик,
Может ли он на земле умереть
Раньше, чем солнце устанет гореть?

Он солнцеликим явился на свет,
Месяца ярче, луны и планет.
Замер в тревоге дряхлеющий мир,

Пела земля: — Он родился батыр —
Крылья народной мечты вековой. —
Травы в долинах вели разговор,
Шумно орлята спускались с гор,
Нежен, как бубен, реки перезвон,
Светлой улыбкой сиял небосклон,
Стал, отряхнувшись от вечного зла,
Гордый Кавказ колыбелью орла.
Шел из берлог и ущелий народ
Встретить рожденного солнца восход,
Встретить грядущего счастья зарю,
Сына увидеть — опору свою.
Шел и Джамбул. Это было давно —
Будто в байге шестьдесят скакунов,
Годы промчались. От горя устал,
Шел я, и вдруг мне дыхание трав,
Птиц табуны, переливы струны,
И золотые степей катуны *,
Горы, ручьи, камыши, ковыли
Песню о вечной мечте принесли.
Пела земля: — Он родился герой —
Крылья народной мечты вековой. —
Тридцатилетним жигитом я был,
В поисках счастья я нищим бродил.
Вместе с народом в сыпучих песках
Солнце я видел в крови и цепях.
Не восходило с востока оно, —
Было украдено, пригвождено
Счастье востока у черной горы,
Где поднимались ханов шатры,
Где нас травили под свист егерей
Гончие баев, султанов, царей...

* К а т у н ы — травы, вырванные ветром после созревания семян.

Вместе с народом я счастье искал,
Вместе с народом от горя бежал.
На хромоногом своем ишаке
Воду искал я в горячем песке.
Кто же считал человеком меня?
Камень я грыз, чтобы жажду унять.
Разве напьешься, коль камень сожмешь?
Разве тропинку в пустыне найдешь?
Разве без струн заиграет домбра?
Стыл я на лютых илийских ветрах.
Не было родины, дома, семьи...
Плакали горькие струны мои...
След мой горячий в песках остывал,
Злой ураган мой чапан разорвал.
Муллы травили меня на пути.
Шел и не мог я дорогу найти.
Сталин пришел,—как сиянье зари,
Зазеленели в степях пустыри.
Сталин и Ленин родные пришли —
Счастье народа с собой принесли.
Солнце видало с орлиных высот —
Выпрямив спину поднялся народ, —
Ленин и Сталин его в октябре
В бой повели на владык и царей...
Все, что у нас воровала в ночах
Ханская свора, орда палача—
Все мы вернули в суровой борьбе,
Все мы вернули и взяли себе.
Золото хлынуло реками с гор,
В жемчуг оделись просторы озер.
Садом весенним пустыня цветет —
Дар свой народу земля отдает.
Стали мы молоды, стали сильны;
Стали, как беркут, в полете вольны.

Дышим свободно, богато живем,
Песни о счастье народном поем.
У Ала-Тау, под крепостью скал,
Город насилья и рабства стоял —
Верный — он верным служакою был
Черным хозяевам нашей судьбы.
Город, в котором от страха молчали,
Город, в котором собаки сдыхали,
Город, в котором ни песен, ни слов,
Город урядников и ишаков,
Город без света, поросший травой;
Был в нем хозяином городской.
И поднимались из мрака и тьмы
Церковь, мечеть, да дувалы тюрьмы...
У Ала-Тау, в тенистых садах,
У Ала-Тау, в душистых цветах,
Новая, радостная, как мечта,
Наша любимица — Алма-Ата.
Там, где слепая вздыхала сова,
Мчится веселый, шумливый трамвай;
Там, где вороны кормили птенцов,
Вижу колонны народных дворцов.
Там, где верблюды отдыхал за бугром,
Вижу я солнечный аэродром.
Там, где гнусавил молитвы мулла;
Там, где трезвонили колокола, —
Вижу я парки, театры, кино.
Все это детям моим отдано...
Сколько в ней радости, песен, огней;
В светлой столице моих сыновей.
Я у домбры и у сердца спросил:
Кто вековую мечту воскресил,
Кто нам столицу волшебную дал,
Кто нам от счастья ключи отыскал?

Струны и сердце мне отвечали:

Ленин и Сталин!

У Ала-Тау, под крепостью скал,
Асан-Қайгы * свое счастье искал.

Пить он хотел, к роднику он приник —

Кровью струился горячий родник. —

Петь он хотел, но лишь петь начинал,

Ветер горячий язык обжигал.

Он и любить и смеяться хотел,

Но ни любить, ни смеяться не смел.

Он у Келесса, на счастье степей,

Белое 'золото — пух лебедей

Выискал, вырастил, но из долин

Вышел суровый, как смерч, властелин,

Бая, муллу и кадия привел...

— Кто ты? — спросил он. — Откуда пришел?

Стало темно у Асана в глазах.

— Кто я? Откуда? Я — бедный казах.

Здесь мои деды, скитаясь росли,

В поисках родины, счастья, земли,

Здесь моей матери слезы текли.

Кто же вы сами? Откуда пришли?

Плеть отвечала. Ответил аркан...

Только не умер в народе Асан.

Вижу я город в любимом краю,

Где непокорную песню свою

Пел мой Асан перед сворой господ.

Вижу я город, как сказка, встает

Там, где Асан свое счастье искал, —

У Ала-Тау под крепостью скал,

Там, где он плакал от горя не раз,

Там, где костер его яркий угас, —

* Асан-Қайгы — легендарный казахский певец (около 15-го или 16-го века).

Там и Келесс и привольный Таласс
Наши навеки и служат для нас.
Там, где Асан свое счастье искал,
Вырос наш солнечный Пахта-Арал.
Я у домбры и у сердца спросил:
Кто вековую мечту воскресил?
Кто нам богатства несметные дал?
Кто от народа туман отогнал?
Сердце и струны мне отвечали:
Ленин и Сталин.

У Ала-Тау, под крепостью скал,
Степь без воды задыхалась в песках.
Шли караваны с добром на Иран,
Ехали баи с добром в Тегеран,
Ехали муллы, шумели пески...
Гибли безвестные проводники...
Старый бура обессилев упал,
Горб его гордый повис и дрожал,
Как беркутихи подстреленной пух,
На тюбетейках степных молодых.
Старый бура... Он упал и поник.
Каплю воды отдавал проводник
Другу-верблюду, чтоб на ноги встал,
Каплю воды отдавал и видал
В мутных глазах и верблюжьем горбу
Он вековую народа судьбу.
У Ала-Тау, под крепостью скал,
Где гордогорбый бура умирал,
Где был далеким холодный Урал.
Плещет Урало-Кушумский канал.
Здесь, где терялись верблюжьи следы,
Вижу, как в капле Уральской воды,
Славу народа, народа труды,

Славу Чапая и Амангельды!
Я у домбры и у сердца спросил:
Кто же с пустыней Урал подружил?
Кто же сказал, чтобы в вечных песках
Песнею счастья струилась река?
Сердце и струны мне отвечали:
Ленин и Сталин!

У Ала-Тау, под крепостью скал
Хищник заморский добычу искал,
Ворон заморский разыскивал клады
Риддера, Эмбы и Коунрада.
Ворон хотел, чтоб заморскую стаю
Тешили золотом горы Алтая.
Падали в шахтах гнилые столбы,
В шахтах росли у народа горбы,
В шахтах теряли отцы сыновей,
В шахтах теряли сыны матерей,
Матери в шахтах теряли сынов,
А сыновья — поседелых отцов.
У Ала-Тау, под крепостью скал,
В шахтах народ мой хозяином стал.
Эмба народу свой дар отдает,
Караганда для народа живет.
У Ала-Тау, под крепостью скал,
Служат народу Иртыш и Урал.

Родина! Сталинский радостный сад!
Славой и силой красуясь, стоят
В свежем саду, где акыны поют,
Гордых, богатых одиннадцать юрт...
Ты среди них, мой ликующий стан,
Солнечный мир, золотой Казахстан!
Снежные горы блестят серебром,
Степи цветистым покрыты ковром,

Каспий привольные воды несет,
Скалами небо Алтай достает.
Необозрима родная земля,
Неисчислимы мои сыновья...
Вижу—он множится, вижу—растет
В братстве и дружбе великий народ.
Я направляю свой радостный взгляд
К светлой Москве и созвездью Кремля. —
Там мои думы, там сердце мое,
Там мой учитель бессмертный живет,
Сталин — опора и счастье людей,
Вождь всенародной державы моей.
Ростом он выше заснеженных гор,
Ум его, как океана простор,
Речь его пламенем ярким полна,
Слово его, как в прибое волна,
Светлой улыбкою взор озарен, —
Сталин на счастье народа рожден.
Грудью орлиной в грозу и пургу...
Смелый и грозный, он страшен врагу.
Сталин — он юность мою воскресил,
С ним я, столетний, про старость забыл.
Силу его не измерят века;
Нет ей преграды, — она велика.
Сталин — как вечный хрустальный родник;
Он — как отточенный солнечный пик, —
Выше хребтов и утесов стоит.
Он — величавый, могучий джигит!
С ним ни седин, ни усталости нет.
Сталин — бессмертное знамя побед!
Сталин любимый, в весенние дни
Ты в Казахстан приезжай, отдохни
В солнечной радостной юрте моей,
В дружной, счастливой колхозной семье.

Мы б угостили тебя кумысом,
Свежим колхозным своим кумысом;
Трубку б набили твою табаком,
Свежим колхозным своим табаком.
Мы бы тебе оседлали коня,
Ветра быстрее, горячее огня,
Чтоб в золотом каскеленском седле
Ты по любимой проехал земле
Да посмотрел, как богато живет
Твой богатырский свободный народ.
Сталин любимый, с народом Джамбул
Ждет тебя в гости в счастливый аул!

ЗА РОДИНУ СТАЛИН ВЕДЕТ НА ВРАГА!

За родину Сталин ведет на врага!
Родина светлая всем дорога,
Кровью батыров добыта она,
Дружбой народов она скреплена
Непобедимая наша страна.
В юрте спокойно останусь ли я?
Грудью за землю не встану ли я?
Звонких стремян не достану ли я?
Вместе с народом устану ли я
Петь свои песни в труде и боях?
Эй, сыновья, оседлайте коня!
Вместе со Сталиным — песня моя!
Мир молодой нашей радостью стал,
Солнцем народов из бездны он встал.
Ночью на нас через старый дувал
Черный шакал ненавистный напал.
В песне народ неспроста говорит:
«Зверь перед смертью от страха дрожит
И на открытое место бежит».
Место закрыто. Наши штыки
Выбьют фашистам шакальи клыки.
Эй, сыновья, оседлайте коня!
Вместе со Сталиным — песня моя!
Вышли два мира неравных на бой —
Мир одряхлелый и мир молодой.
В песне народ неспроста говорит:
«Гад будет раздавлен, орел воспарит».
Сталин — орел наш, и стаи орлят
Всюду с победой за ним полетят.

Слушайте, степи родные, меня —
Армии Красной ведите коня!
Лейся, горячий чимкентский свинец,
Смертью для черных фашистских свиней!
Лейся рекою, балхашская медь,
Чтобы снарядом советским греметь!
Каспий широкий, побольше улов
Родина ждет от твоих рыбаков!
Хлопок, и хлеб, и свои табуны
В час грозовой отдадим для страны.
Сталин зовет нас в труде и в бою
Биться с врагом за отчизну свою.
Край мой любимый, родной Казахстан,
Весь поднимайся на вражеский стан!

ПОЭМА ЛЮБВИ И ГНЕВА

*Эту поэму народный певец Казахстана сложил
на проводах своих учеников-поэтов
в Действующую Красную Армию*

1

Сын мой, радость отцовских глаз!
Барымтач налетел на нас,
Злой басмач налетел на нас,
Он, палач, захотел у нас
Солнце сталинское украсть.
Он шакалью разинул пасть,
Обнажил он свои клыки.
Сталин в битву повел полки,
Сталин в битву народ позвал.
Я коня тебе оседлал,
Богатырский меч наточил.
Ты садись в седло и скачи,
Немцам головы ты коси, —
Мою ненависть проноси.
Прноси ты Джамбулов гнев,
Прноси ты аулов гнев
В пепелящем врага огне!

2

Если встретится смерть тебе,
Перед нею, сын, не робей,
Спину ты перед ней не гни,
Ты узду назад не тяни,
Думы черные отгони.

Ты в глаза ей смелей взгляни,
Ты мечом тяжелей взмахни,
Ты скажи: «Сторонись, карга!» —
И увидишь — твоя нога
Через пропасть перешагнет,
Смерть с дороги твоей свернет.
Смерть бесстрашного не берет...
И тебя полюбит народ,
И воздаст он тебе почет,
И Джембул о тебе споет,
И молва о тебе пойдет,
Сталин соколом назовет.

3.

Ты во имя родной страны
Про свои забудь табуны,
Про аульные казаны,
Про расшитые чапаны.
Ни любимой своей жены,
Ни веселых своих детей,
Ни себя, мой сын, не жалеи!
Ты юрту свою забудь,
Под грозой расправляя грудь.
Вражьей кровью залей ты путь, —
Настоящим воином будь!
Моих песен не осрами,
Змея Гитлера ты прижми
Богатырским своим плечом,
Отруби ему хвост мечом,
Жало гадине оторви,
Сапогом башку раздави,
А змеинное сердце вынь,
И вонючим шакалам кинь.

Не давайся врагу живьем,
 Бей копьём его и ружьём,
 Будь отважен, как Суранши *,
 На фашиста огнём дыши,
 И мечом летучим кроши,
 Кулаком покруче круши,
 Пятерней могучей души,
 Охнуть ты ему не давай,
 В землю ты его забивай,
 Чтоб дошла голова до ног,
 Чтоб вовеки он встать не мог.

Если ж будет неравен бой,
 Если сдавит аркан' тугой,
 Если вороны над тобой
 Соберутся на черный той, —
 Будь бесстрашен, как Махамбет **,
 Ты ни слова врагу в ответ
 И на пытке не говори, —
 Плюнь в глаза ему и умри.
 И тебя полюбит народ,
 И воздаст он тебе почет,
 И бессмертье к тебе придет.
 Песню славы седой Джамбул
 О тебе, мой сын, запоет!
 Ты, мой сын, в грозные дни
 Дружбу сталинскую храни.

* Суранши — казахский батыр середины 19-го века.

* Махамбет — руководитель национально-освободительного движения середины 19-го века.

В сече смелой будь вожаком,
Как бесстрашный Амангельды
Будь батыром-большевиком!

У отчизны светлой моей
Много соколов-сыновей.
Сыновья летят в облаках
На крылатых аргамаках,
И в стальном боевом седле
Мчатся, грозные, по земле...
Дал им силу отец-народ;
Сталин в битву сынов ведет,
Смелых к подвигам он зовет.
Час расплаты с врагом настал —
Кто добычи у нас искал,
Тот могилу свою найдет.

1941 г.

СТАЛИН ИДЕТ ПО ЗЕМЛЕ

Взгляни, мой товарищ, от края до края
Идет торжествующей поступью мая
Под песню домбры, под напевы зурны
Счастливая юность советской страны!
Ковром изумрудным покрыта земля,
Цветами украшена юрта моя,
На крыльях серебряных к солнцу летят
Родные мои сыновья.
Одетые в богатырский наряд,
На страже границ неприступных стоят
Могучие сыновья.
В бескрайних, как небо, далёких морях
Плывут на своих боевых кораблях
Отважные сыновья.
Пасут табуны и ведут поезда,
И строят волшебные города
Любимые сыновья.
Их с нежностью матери любит страна
Им звонкая песня моя отдана,
Блестят на груди у сынов ордена.
И в день Первомайский сияющий, яркий,
Раздам сыновьям золотые подарки...
Орлиную меткость — стрелу Исатая
Сберег я любимому сыну Алтая;
А меч Утегена, что ярче алмаза,
Сберег я любимому сыну Кавказа;
Седло Кобланды — оно славой повито,
Сберег я отважным туркменским жигитам.

Коня Махамбета под красной попоной
Сберег я сынам горделивого Дона,
Чтоб были отважны и смелы сыны
На страже великой Советской страны
Столетнее сердце от счастья поет, —
По радостной родине Сталин идет.
С ним солнце и звезды, цветы и луна,
С ним дружбы и счастья народов весна!
Идет он к границам, к заставам на вахты,
Идет к рудникам, опускается в шахты,
Идет по степям, где поют трактора,
И в юртах сидит у степного костра,
Встречает охотников в дебрях тайги,
Любуется смелым заездом байги,
На кайке в море плывет с рыбаками,
В колхозе беседует со стариками.
Думы с ним делят узбек и казах, —
Он говорит на всех языках.
И всем он понятен и всеми любим,
И сердце у каждого бьется лишь с ним.
Я, старый Джамбул, из степей Джетысу,
Как майскую песню, как жизни красу,
Сталина знамя в руках поднимаю,
В крепких руках, и по свету несу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	2
Жалоба	5
Айтыс с Айкумыс	7
Девушка Кемшат	10
Собака бая Кадырбая	12
Завещание	17
Моя жизнь	18
В мавзолее Ленина	26
Песня о выполненной клятве	28
Великий Сталинский закон	31
Песня о братстве народов	33
Моя родина	36
Песня об искусстве	43
Мой Сталин, тебе эту песню пою!	45
Здоровье народа	48
За большой урожай	50
Слуга народа	53
Сын века	55
За родину Сталин ведет, на врага!	64
Поэма любви и гнева	66
Сталин идет по земле	70

Ответственный редактор *К. Мелешко*
Технический редактор *С. Ищанов*

Подписано к печати 13/V 1946 г. Объем 4,50 п. л. Уч.-авт. л. 2.6
Издательский № 62. УГ00350. Тираж 15000 экз.
Цена 2 руб. Переплет 1 руб. 50 коп.

г. Алма-Ата, Гостипография № 19
Управление Полиграфии и Издательства при Совете Министров
КазССР. Зак. № 303.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
28	12 снизу	Нет, мы не знали, как розы цветут!	Нет, мы не видели солнца восход!
32	6 снизу	С песней, к труду и победам зовущей	С песней, акыны, идите на сходы.
41	сноска	Фарыз и студент	Фарыз и сундет